

ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Турарбекова Р.М.,
доцент кафедры международных отношений
факультета международных отношений
Белорусского государственного университета*

В изучении Центральной Азии можно выделить такие подходы, как геополитический, модернистский и цивилизационный, в рамках американских, российских и европейских исследований. Особый интерес представляют работы ученых из самого региона Центральной Азии. Наиболее ярко и в то же время неоднозначно представлен геополитический подход, которому и посвящен данный обзор.

Интерес к Центральной Азии обусловлен политическими причинами. Распад СССР принципиально изменил геополитические реалии на Евразийском пространстве, но даже в 1992 г. в академических исследованиях термин «Евразия» не использовался. Сам регион был идентифицирован политиками. В 1992 г. главы бывших среднеазиатских республик и Казахстана дали региону имя «Центральная Азия», и непродолжительное время использовался термин «Новая Центральная Азия». Однако в начале 1990-х гг. внимание Запада было приковано к Восточной Европе (расширение НАТО и интеграция в европейские структуры). Интерес к Центральной Азии стал подогреваться только в связи с нефтяными проектами – разработкой месторождений минеральных ресурсов и их транспортировкой в обход России. Эти два фактора носили геополитический характер. В обоих случаях речь шла о стратегических вопросах безопасности Запада и в меньшей степени – Центральной Азии (Востока).

Начиная с 1994–1995 гг., объем исследований по региону начал возрастать. Это было связано с важным политическим процессом. На рубеже 1993–1994 гг. министерство иностранных дел России смещает акценты во внешнеполитической стратегии с Запада на пространство СНГ. Эти изменения стали иметь принципиальное значение. В конце 1993 г. заместитель министра иностранных дел А. Адамишин обозначил регион Центральной Азии как регион «жизненно важных интересов России». В ответ американский автор А. Рубинштейн публикует статью, где обозначает такой поворот во внешней политике РФ как «российскую доктрину Монро». Данный пример свидетельствует о катализации процесса изучения» Цен-

тральной Азии. Большое количество публикаций было посвящено актуальной теме – геополитика Центральной Азии. При этом в зависимости от национальной школы авторы давали свои оценки, которые имели больше общего с миром политики, чем «чистой науки». Наиболее полно это положение раскрывается на примере работ американских и российских авторов. В частности, эта проблема была поднята в статьях И.Л. Звягельской, Д.В. Макарова, М.Б. Олкотт. Проблема заключалась также в том, что четкого цивилизационного маркера для Центральной Азии не существует.

Это стало поводом для публикации авторской статьи о геополитическом положении региона с привлечением теории Пограничья. В соответствии с положениями моей работы под несколько амбициозным названием «Геополитика Центральной Азии и теория Пограничья» Центральная Азия представляется как глубоко континентальный регион (отсюда и название Центральная). Такое представление вряд ли могло ассоциироваться с Пограничьем. Однако именно этот регион дает пример высокой плотности границ. В своей статье я отмечала, что границы здесь имеют разный характер: геополитический, культурный, хозяйственный и политический. Эта совокупность границ в той или иной мере изучается историками, политологами, экономистами, антропологами, лингвистами и философами. Отсюда такое разночтение в оценках Центральной Азии. Проблема носит многоплановый характер. Дело не только в национальных школах социальных наук, но и в том, что калейдоскопичная картина Центральной Азии многих вводила в заблуждение относительно цивилизационной и геополитической идентификации. Например, В. Цымбурский, чтобы преодолеть однозначную оценку цивилизационной принадлежности, предложил концепцию Великого Лемитрофа. Такая «пограничность» региона и исследований дала мне повод сделать вывод о том, что «используя традиционные парадигмы – такие как модернизм, геополитический и цивилизационный подходы, исследователи раскрывают части картины, но ее полнота пока остается за завесой методологических ограничений».

Обращаясь к традициям изучения Центральной Азии, необходимо отметить, что основания у геополитического подхода были. Колониальная борьба в XIX в. распространилась на Центральную Азию, где основными игроками были Великобритания и Россия. После распада СССР данный регион вновь становится ареной борьбы за влияние. Ситуация напоминала начало XIX в., поэтому закономерно, что описания геополитической борьбы в конце XX в. вто-

рят традиционным представлениям. Тем более что ряд конкурентов «почти тот же», с той только разницей, что вместо Великобритании выступают США.

«Новым» явлением в современной геополитике становится увеличение числа игроков (акторов), но никак не само понимание борьбы (потому как самой Центральной Азии в субъектности отказано с самого начала). Академическим и политическим истеблишментом США, Европы и России отмечается, что наиболее заинтересованными региональными акторами являются Китай, Турция и в целом мусульманский Восток. Примерами таких исследований могут быть как американские, так и российские разработки. Удивительно также и то, что сами центральноазиатские авторы включились во все эти геополитические игры «на бумаге».

Но есть работы ряда центральноазиатских авторов, в которых утверждается, что игнорирование политической воли региональных субъектов вносит серьезную путаницу в оценку геополитической ситуации. Например, аналитический материал М. Лаумуллина «ШОС – «грандиозный геополитический блеф»? Взгляд из Казахстана». Автор данной публикации анализирует преимущества и риски, исходящие от ШОС для Казахстана, и делает вполне определенные выводы относительно необходимости ограничения обязательств с целью свести к возможному минимуму зависимость от КНР и РФ.

Пик исследований по геополитике пришелся на рубеж XX и XXI вв. Второй всплеск подобных работ был связан со статьей американского исследователя Ф. Старра «Партнерство для Центральной Азии», опубликованной в августе 2005 г. Фактически эта статья стала обоснованием и своеобразной презентацией проекта «Большая Центральная Азия». Контекст появления проекта очевиден – усиление роли РФ и КНР в Центральной Азии путем укрепления и расширения Шанхайской организации сотрудничества.

Активное региональное конструирование американской администрации не могло не напугать политические и экспертные круги России, Китая и их союзников в регионе.

В дискуссии приняли участие такие известные специалисты по региону, как М. Лаумуллин, И. Звягельская, Ф. Толипов, А. Куртов, В. Богатырев, А. Язмурадова, а также известные эксперты в области международных отношений С. Караганов и А. Коэн.

Отличительной чертой новых геополитических дебатов стало не только участие авторов из региона, но и их предложения рас-

смотреть вопрос политической воли и интересов национальных элит центральноазиатских стран.

Тем не менее, ангажированность геополитических конструкций очевидна.

Нацеленность работ по геополитике Центральной Азии на рассмотрение ее в качестве объекта логична, так как постановка проблемы в ключе таких концепций, как «баланс сил», «сфера влияния», «борьба за доступ к ресурсам», предполагает, что необходимо изучать поведение внешних игроков. Использование геополитической парадигмы не оставляет шансов для изучения вопроса политической воли центральноазиатских элит.